

Археологические вести

— 27 —



Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Об изучении русского вооружения. Заметки и размышления¹

А. Н. Кирпичников²

Аннотация. В статье подробно освещаются основные этапы в изучении истории русского вооружения начиная с XIX в. Особое внимание уделено трагической судьбе крупнейшего историка-оружиеведа В. В. Арендта, расстрелянного по ложному обвинению в 1937 г. Рассматриваются основные достижения отечественных историков и, прежде всего, самого автора в исследовании средневекового русского оружия, а также публикуются основные положения резолюции, принятой на Международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем» (29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург), направленной на развитие военно-исторической науки.

Annotation. This paper is a report about the main stages in studies of the history of Russian weaponry beginning with the 19th century. A special focus is paid to the tragic fate of a very prominent historian of weapon studies Vsevolod V. Arendt executed after a false accusation in 1937. The major achievements of national historians are discussed and, particularly those of the author himself, in studies of the mediaeval Russian weapons, as well as also the main clauses of the resolution accepted by the International Scientific-Practical Conference 'Military art of Russia and its neighbours in the past, present and future' (March 29–31, 2005, Saint Petersburg) for the development of the military-historian science.

Ключевые слова: история русского вооружения, итоги и перспективы.

Keywords: history of Russian weaponry, results and prospects.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-367-376

Русское оружиеведение имеет точную дату рождения — 1808 г. Именно тогда недалеко от Юрьева-Польского, там, где некогда произошла Липецкая битва, крестьянка А. Ларионова, «находясь в кустарнике для щипания орехов, усмотрела близ орехового куста в кочке что-то светящееся». То были сложенные вместе шлем и кольчуга. Находки были сданы

сельскому старосте, от него попали к священнику и, в конце концов, дошли до Александра I. По поручению царя вещи изучил и в 1832 г. издал президент Академии художеств А. Н. Оленин; он же соотнес их с князем Ярославом Всеволодовичем, бросившим свои доспехи во время бегства с поля битвы в 1216 г. Эта атрибуция не устарела до сих пор и дала толчок к становлению тогда новой науки — исторического оружиеведения.

Изучение старинного вооружения в России представлено серьезными научными трудами А. В. Висковатова, А. Ф. Вельтмана, П. И. Савваитова, Ф. Жилия, Н. Е. Бранденбурга, Э. Э. Ленца (этот перечень можно

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184–2019–0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

продолжить). Оценка этих и других сочинений — специальная задача. В настоящем сообщении ограничимся темами, связанными с изучением военных древностей первых веков русской истории. Здесь специально хотелось бы остановиться на судьбе и творчестве ученого-оружиеведа В. В. Арендта.

Всеволод Викторович Арендт, историк оружия и военного дела, оставил заметный след в науке. Расстрел в 1937 г. перечеркнул всю его деятельность. Его имя оказалось забытым. Теперь по отрывочным данным можно воссоздать биографию этого незаурядного человека. Некоторые подробности удалось почерпнуть из анкеты ученого, сохранившейся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, и следственного дела, обнаруженного в архиве Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу.

В. В. Арендт родился в Москве 27 февраля 1887 г. Его дворянский род восходит к далеким немецким предкам, жившим в XII в. Что касается В. В. Арендта, то в документах советского времени он записан русским. Мать его была русской, а отец — поляком.

В 1906–1908 гг. молодой дворянин учился на юридическом факультете Университета в Тулузе во Франции, а в 1909–1910 гг. был слушателем Московского археологического института. Как стипендиат этого института В. В. Арендт в 1911 г. находился в заграничной командировке — занимался в музеях Вены и Парижа. Его военная служба юнкером началась в 1908 г. Во время Первой мировой войны В. В. Арендт был боевым офицером. В 1915 г. он командовал эскадрой Первого Лейб-Драгунского Московского имени императора Петра Великого полка. В октябре 1917 г. В. В. Арендт в чине штабс-ротмистра был уволен из армии «по болезни и контузии». Из этого ясно, что он участвовал во фронтовых операциях и ушел из армии, случайно или нет, в дни большевистского переворота.

В дальнейшем в 1918–1923 гг. бывший драгун служит в Красной армии, ведет преподавательскую работу, консультирует учебу

кавалеристов, работает в Главном управлении коннозаводства.

В 1926–1933 гг. В. В. Арендт работал в Государственном историческом музее в Москве (консультант, заведующий отделом). С переездом в Ленинград он более обстоятельно начинает заниматься научной работой. С 1935 г. он числился старшим научным сотрудником, затем ученым секретарем Артиллерийского исторического музея. 1 октября 1937 г. ему присвоили звание профессора Государственного музея этнографии, а на следующий день арестовали. В жизни ученого этот арест был четвертым по счету³. Через два с половиной месяца В. В. Арендта не стало. Его жена Евдокия Ивановна Кожевникова и пасынок погибли в годы блокады Ленинграда. Семейные документы и большая часть библиотеки, видимо, не сохранились. Лишь некоторые книги с экслибрисом Арендта я видел в библиотеке Эрмитажа с надорванными корешками.

О творчестве ученого можно судить по его публикациям. Знание военного дела и военной археологии, а также иностранных языков способствовало тому, что в 1920–1930-х гг. Всеволод Викторович взялся за изучение отдельных видов преимущественно средневекового вооружения: мечей, сабель, шлемов, пушек. Оружие он хорошо знал, свободно разбирался в тонкостях его устройства, авторские рисунки и реконструкции всегда профессиональны. Предметы военной старины рассматривались В. В. Арендтом в контексте европейского исторического оружиеведения.

³ В 1918 г. В. В. Арендт был арестован ВЧК в Москве на две недели, в 1925 г. в Москве — на 12 дней, в 1935 г. задержан НКВД в Ленинграде на два часа. Что касалось последнего ареста в 1937 г., то он произошел в условиях массового террора и истерической охоты на людей, когда, как известно, за одно неосторожно сказанное слово вели на эшафот. Так случилось и с В. В. Арендтом. В нем заподозрили «замаскированного» врага советской власти. К тому же по своему социальному происхождению Арендт, несомненно, рассматривался властями как классово чуждый элемент. Археологи старшего поколения говорили мне, что Всеволод Викторович выглядел как «породистый дворянин». К сожалению, мне не удалось отыскать его фотографию.

В своем творчестве он успешно объединил обстоятельное музейное вещеведение начала XX в. с современными ему международными познаниями в области истории военного искусства. Предметы военной техники оценивались и квалифицировались с общеевропейских исследовательских позиций, и сами приобретали эталонную известность. Это стимулировало изучение собранных в изобилии, но неизвестных в публикациях редкостей наших музеев. Российское оружейноеведение трудами В. В. Арендта стало выходить на передовой общемировой научный уровень. Широкое знание литературы вопроса и музейных собраний позволило В. В. Арендту печататься не только в СССР, но и в Германии. Он являлся иностранным членом немецкого Общества исторического оружейноведения и активно сотрудничал в его журнале *Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*. Также был членом Академии Тулузы во Франции.

В работах В. В. Арендта встречались ошибки в основном общеисторического плана, например, он утверждал, что древнерусские мечи принадлежали исключительно пришельцам-варягам. Да, варяги на Руси торговали мечами, но не были их монопольными владельцами.

В 1930-х гг. Всеволод Викторович плодотворно занимался техникой клинкового производства и впервые открыл мечи с «накладным Дамаском». Его статья о греческом огне претендует на лучшее понимание этого запутанного вопроса в европейской науке. В. В. Арендт первым разработал методику измерения сабельных клинков, ныне принятую специалистами. По его инициативе началось изучение отечественных и зарубежных пушек, включая редкие образцы корабельной артиллерии. Он впервые опознал и опубликовал пистолетные стволы из собрания Государственного исторического музея в Москве, оказавшиеся древнейшими в Европе.

По отзыву авторитетных ученых — современников В. В. Арендта — А. В. Арциховского, А. П. Смирнова, Г. А. Новицкого, написанному в 1934 г., «он является крупнейшим в СССР специалистом по истории оружия и

автором нескольких десятков (более сорока. — А. К.) печатных работ, где разрешил ряд вопросов, относящихся к оружию сарматскому, тюркскому, новгородскому, московскому». В. В. Арендт был, несомненно, одаренным человеком и в изучении отдельных видов средневекового оружия достиг, может быть, большего, чем его предшественники. Жизнь и творчество ученого были оборваны на взлете в зловещем 1937 г. Эти трагические дни можно представить по его следственному делу, насчитывающему 46 листов.

3 октября 1937 г. арестованному днем раньше В. В. Арендту было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности (по статье 58 УК), что он первоначально отрицал. Ученый обменивался письмами с зарубежными коллегами, музеями и издательствами. Одно это в те годы могло показаться подозрительным. Однако о международных связях, равно как и о научных изысканиях, в деле нет ни слова. Очевидно, программа дознания была иной.

Вызванный на допрос 11 октября В. В. Арендт уже не отрицал «своей вины», а признал, как записано в следственном деле, что в кругу знакомых «высказывал антисоветские взгляды». Он и его «единомышленники» (в деле названы два археолога, этнограф и архивный работник) «осуждали политическую линию ВКП(б) и Советского правительства с контрреволюционных позиций». Подпись под текстом допроса выведена неверной рукой и подчищена. Дознание явно велось с пристрастием. При его чтении обращает на себя внимание поразительное обстоятельство. Документ раскладывается на оговор и очевидную правду, по-видимому, затененную при жизни на свободе или даже не очень скрывавшуюся. Всеволод Викторович со смелостью обреченного высказал своим мучителям то, что, скорее всего, давно разделял. Он сказал: «Главный вопрос, который нас всех волновал и который мы часто обсуждали, это положение интеллигенции в советских условиях. В данном вопросе мы единодушно сходились на том, что интеллигенция в СССР находится в политически бесправном положении.

В процессе своих суждений мы утверждали, что в Советском Союзе осуществляется жесткая диктатура партийной верхушки, подавляющая всякую свободу мысли особенно в среде интеллигенции, лишенной права высказывания своих убеждений и симпатий тому или другому политическому строю. <...> В стране осуществляется резкий нажим на все слои населения, от которого, с нашей точки зрения, больше всего страдает интеллигенция. В области экономики мы резко осуждали политику коллективизации сельского хозяйства как враждебную, проводившуюся насильственным путем и уничтожившую, с нашей точки зрения, стимул развития сельского хозяйства. Мы говорили о том, что советская власть применяет на строительстве рабский труд, имея в виду строительство каналов. Лично я утверждал, что вся страна сейчас замучена, находится в подавленном состоянии».

Приведенные слова провидческие, звучат как суровое обвинение. История подтвердила их справедливость. Сказаны они, безусловно, без подсказки, искренне, честно, для своего времени с захватывающей смелостью. В 1937 г. подобное выступление квалифицировалось как тягчайшее преступление. Все равно, что подписать самому себе смертный приговор. Неслучайно, что допрос завершился стандартной, видимо, наговоренной следователями фразой: «Все наши суждения имели одну цель — показать необходимость борьбы против Советской власти, за ее свержение и восстановление в СССР капиталистического строя».

Одного признания арестованного в «антисоветских» разговорах его с товарищами следователям показалось недостаточно, и они 17 ноября в последний раз допросили В. В. Арндта. Тот, понимая, конечно, безвыходность своего положения, в ответ на вопрос о намерении использовать индивидуальный террор, ответил, что «теракты дадут реальные результаты». Каких-либо сведений о конкретных «подрывных» действиях кружка Арндта в деле, как и следовало ожидать, нет.

В ходе следствия был допрошен единственный свидетель. Им оказалась научная сотрудница Эрмитажа, известный археолог.

25 ноября 1937 г. она сообщила, что знает В. В. Арндта с 1928–1929 гг. Он, будучи музейным работником «очень низкой квалификации», в разговорах «клеветнически заявлял, что интеллигенция в СССР не имеет политических прав и устранена от участия в руководстве политической жизнью страны»; говорил, что «вся страна терроризирована, никто не может сказать свободно о своих политических убеждениях, <...> клеветал на действия органов НКВД, заявляя, что проводятся массовые репрессии, что сажают людей без основания». Допрос заключают слова о том, что «все суждения Арндта содержали в себе резкую злобу и ненависть к Советскому строю, ко всем мероприятиям ВКП(б) и Советского правительства».

В 1962 г. при проверке дела В. В. Арндта ту же свидетельницу вновь попросили рассказать о ее знакомом и записали нечто противоположное прежним показаниям. Оказалось, что Всеволод Викторович был очень «увлечен своей специальностью. <...> Взаимоотношения с ним были хорошие, насколько помню, антисоветских и антипартийных взглядов я от него не слышала». Когда же свидетельнице напомнили о ее показаниях 1937 года и дали их прочитать, то, по словам допрашиваемой, оказалось, что ее первоначальные показания «не соответствуют действительности», а были даны «под принуждением» (я не хочу раскрывать имени этой женщины по этическим соображениям. — А. К.).

Возвратимся к основному сюжету. 26 ноября 1937 г. следствие по делу В. В. Арндта было закончено. Обвинение гласило, что он «входил в антисоветскую группу и участвовал в обсуждении политической линии ВКП(б) и мероприятий Советского правительства с контрреволюционных позиций, является сторонником террористических методов борьбы против Советской власти». 14 декабря В. В. Арндт по приговору особой тройки был расстрелян. Ему было тогда 50 лет.

Утверждение следствия о существовании антисоветской группы стало разваливаться уже в период, когда по делу Арндта в конце 1937 г. привлекли названных в нем людей.

Осужденный как член упомянутой группы заведующий архивом Артиллерийского исторического музея И. Д. Тубянский в жалобе, написанной в лагере в 1940 г., пояснил, что «с Арендтом у меня были лишь нормальные служебные отношения и некоторое уважение к нему как незаурядному специалисту в области военной археологии». Что же касалось обвинения в групповой антисоветской деятельности, то оно «неправильно и необоснованно», а признание добывалось таким путем: «На мое категорическое отрицание (вины) следователь Михайлов поставил меня на „стойку“ и с применением избиений собственных и с помощью других сотрудников отдела. Так как я всё же не мог сообщить ему ничего подходящего, то через сутки непрерывного допроса (следователь) заявил, что будет меня разоблачать». Жалоба не помогла. В 1942 г. Тубянский умер в Онеглаге.

В 1962 г. по запросу заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР профессора Б. Б. Пиотровского дело В. В. Арендта было пересмотрено и при этом выяснилось, что никакой антисоветской группы не существовало, и все дело было сфальсифицировано. По протесту прокурора г. Ленинграда Президиум Ленгорсуда дело прекратил 25 декабря 1962 г. В. В. Арендт был посмертно реабилитирован⁴.

Ныне неожиданно открылись новые подробности трагической судьбы ученого. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи сохранился исходный документ — донос. Он поражает примитивностью обвинений и почти истерическим поиском образа врага. Приведем лишь одну выдержку. Автор доноса, коллега Арендта по работе П. В. Львовский, пишет следующее: «Нам был зачитан пункт приказа Наркома Оборона о назначении начальником Артиллерийского управления комкора т. Кулика вместо комкора т. Ефимова. Узнал об этом и Арендт. Спустя четверть часа после

получения этой новости подходит к моему служебному столу и, таинственно опустившись на стул, шепчет мне: „Как вы смотрите на все эти перемены? А я так думаю, что хороших, умных людей убирают с дороги, а назначают одних только...“, при этом Арендт поднялся со стула, вытянулся передо мной, руки по швам, и изобразил из себя такую, дескать, безропотно покорную, глуповатую фигуру, которая остается после насильственного удаления и уничтожения умных, дельных людей, фигуру, готовую слепо и безотчетно подчиняться теперешнему режиму. Эту последнюю выходку Арендта я оценил как наглую вылазку классового врага антисоветски настроенного и вредно влияющего на те „интеллигентные“ круги, в которых он пользуется авторитетом. Полагаю, что дальнейшее пребывание Арендта в наших рядах недопустимо, а его выходы как политического врага нашей Родины должны повлечь за собой принятие, кроме того, и более решительных мер государственной безопасности». Донос был подан 7 июня 1937 г., арест последовал 2 октября, казнь — 14 декабря.

Здесь нельзя не добавить, что начальник музея, ознакомившись с доносом, не побоялся сообщить «по инстанции», что «Арендт проявил себя как знающий, вполне лояльный специалист и во многом содействовал в работе по реконструкции музея, особенно экспозиционных работах, за что имел две благодарности музею и был премирован начальником Артиллерийского управления РККА (комкор Ефимов) в текущем году (то есть 1937. — А. К.) месячным окладом». Эти положительные слова следствием учтены не были. Но вернемся к дальнейшему повествованию. В 1920–1930-х гг. фактически сошли на нет серьезные исследования старинного оружия. Беспощадно уничтожались многие памятники русской боевой славы — храмы, памятники воинам и полководцам, триумфальные ворота, мемориальные доски.

В отношении военного наследия советская власть, если так можно выразиться, «вела стрельбу по своим». Приведу такие примеры. В период борьбы с космополитизмом

⁴ Сравни: Кирпичников А. Н. Допрос с пристрастием: Судьба историка оружия Всеволода Арендта // СҮСЭІТІА: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 399 (там подробные сноски).

из Артиллерийского исторического музея были сданы на переплавку редчайшие бронзовые иностранные орудия.

Глубокий знаток музейных собраний Государственного исторического музея и архивной письменности М. М. Денисова написала труд «Вооружение русской конницы XIV–XVII вв.». Но рукопись не увидела свет, так как, по мнению рецензента, в ней «не было марксизма». Бабушка русской артиллерии (как ее называли) А. П. Лебедевская всю жизнь занималась деятельностью Пушкинского приказа XVII в. Свои наблюдения она изложила в нескольких томах по истории Артиллерийского музея, честно отметив многочисленные утраты музейных экспонатов вследствие идеологических чисток. Цитировались «акты о списании». Стоит ли говорить, что сочинения Александры Петровны долгое время оставались неизданными.

На волне классовой ненависти были разгромлены музеи прославленных полков царской армии. Их экспонаты раздавались в реквизиторские кладовые Госфильма, костюмерные театров. Здесь встречались неожиданности. В 1936 г. в Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе поступило невиданное количество предметов русской военной старины, принадлежавших музеям Лейб-Гвардии Казачьего и Уланского полков. Эти вещи были чудом спасены в годы Октябрьского переворота, вывезены на Дон, затем через Стамбул в Париж, наконец оказались в Брюсселе. Увидев это богатство, хранитель брюссельского Королевского музея армии и военной истории воскликнул: «Это ковчег боевых подвигов огромной страны». Только в 1990-х гг. стало известно о существовании увезенных воинских раритетов. После долгих лет умолчания один из представителей русской эмиграции Н. Белявский по собственной инициативе приступил к описанию этой уцелевшей коллекции.

Многие военные события недавнего прошлого замалчивались или осуждались. Лишь в годы Великой Отечественной войны власти всенародно вспомнили о великих русских

полководцах и их сражениях, но это было только частью попорченной исторической правды.

Времена искажения и недооценки военного прошлого России ныне ушли в прошлое, преодолевается отставание исторического оружиеведения, что особенно наглядно проявлялось при сопоставлении его с состоянием этой дисциплины в Центральной и Западной Европе. Огромные богатства, накопленные в наших музеях, в научном плане долгое время были слабо известны и лишь в последние десятилетия стали, хотя еще отрывочно и неравномерно, систематически изучаться.

Положительным фактором исхода XX в. явился приток в оружиеведение молодых сил и расширение фронта исследований. В этом отношении выдвинулись Санкт-Петербург, Москва, Киев, Новосибирск, ряд региональных центров. Учреждены и работают при Институте истории материальной культуры РАН и Государственном историческом музее, а ныне и в Эрмитаже научные семинары по военной археологии. Регулярно стали созываться военно-исторические конференции и симпозиумы, печатаются серьезные работы. По истории вооружения Древней Руси подготавливаются обобщающие работы и диссертации. Назову лишь некоторых перспективных авторов: О. Двуреченский (ныне кандидат исторических наук, автор книги «Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв.»), Д. Коровкин, С. Каинов, П. Васин. Выдвинулось новое поколение авторитетных историков вооружения, таких как С. В. Ефимов, А. Н. Кулинский, М. В. Горелик. Плодотворна деятельность А. К. Маковской. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи успешно проходят масштабные конференции «Война и оружие».

Новым явлением нашего времени стало повсеместное создание военно-патриотических клубов и групп реконструкторов тактики старинных боев и достоверно воссозданного вооружения и амуниции исторической России и ее соседей. Одним из лучших стоит упомянуть военно-исторический клуб «Княжеская дружина» в Санкт-Петербурге

(руководитель П. А. Васин). Отечественные клубы и объединения с успехом выступают в разных странах. Это ширящееся молодежное движение, которому должно помогать государство.

Вещественные, письменные, изобразительные источники военно-исторической науки поистине неисчерпаемы. Эти ценности сосредоточены в музеях, библиотеках, архивах, частных собраниях, частью обнародованы в публикациях. За исключением Оружейной палаты Московского Кремля, немногих уцелевших семейных и монастырских собраний, у нас, за редким исключением, не сохранились арсеналы крепостей и владельческих родов. Зато обильна находками военная археология. Одними из первых на исключительное богатство вооружения, относящегося к первым векам русской истории, обратил внимание А. В. Арциховский в работе «Русское оружие XIII века», изданной в 1946 г., и Б. А. Рыбаков в книге «Ремесло древней Руси», опубликованной в 1948 г. В дальнейшем археологи-слависты подтвердили и развили эти наблюдения. Перелом в изучении вооружения и снаряжения коня и всадника первых веков русской истории осуществил Институт истории материальной культуры РАН⁵. Удалось собрать сведения, классифицировать, датировать, проследить распространение и использование свыше 8000 предметов военной техники IX–XV вв., происходящих из примерно 1300 погребений и 120 городов и поселений, расположенных на территории Древней Руси. Материал отбирался независимо от его социальной и этнической принадлежности. Его анализ с привлечением письменных и изобразительных источников позволил представить тактику боя, вооружение конницы и пехоты, судить об этапах развития

военного дела и влияния на него восточных и западных соседей. Сопоставление комплексов с вооружением позволило определить, что для наиболее показательного периода IX–XI вв. количество погребений с оружием составляло от 8 до 18 % по отношению к общему числу захоронений. Это с большой долей вероятности определяет мобилизационные возможности тогдашнего общества. В то же время погребения с вооружением, имея в виду его состав, далеко не полностью были адекватны реальному оснащению воина. Например, по обрядовым особенностям во многих случаях не требовалось наделять умершего шлемом, кольчугой, другими частями доспеха. Эти предметы, а также мечи зачастую находились лишь в богатых захоронениях, но это не означало их скудость в войске, как у конников, так и у пехотинцев.

Результаты изучения древнерусского вооружения с учетом их многоплановости и трудоемкости удалось в завершенном виде полностью опубликовать в 1966–1976 гг. в серии «Свод археологических источников» и других изданиях. Эти публикации подытожили все накопленные военной археологией материалы и способствовали развороту последующих изысканий, а также в определенной мере ускорили создание движения реконструкторов, предоставив их участникам надежные достоверные данные.

Древнерусское вооружение в рамках IX–XV вв. исследовано опережающими темпами в максимальном для своего времени объеме. Появившиеся позже новые находки не отменили созданных классификаций оружия и конского снаряжения, однако расширили и в чем-то уточнили источниковедческую базу исследований. Теперь мы знаем об эволюции боевых средств Руси эпохи раннего средневековья сравнительно больше, чем для других периодов. В дальнейшем, конечно, эта неравномерность будет преодолена, хотя количество находок зрелого и позднего средневековья вряд ли значительно перекроет число уже зафиксированных более ранних.

Международным достижением отечественного оружиеведения было фактически полное обоснование новооткрытой отрасли

⁵ В серии «Свод археологических источников» и отдельно опубликованы: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв.; Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв.; Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.; Снаряжение всадника и верхового коня. Л., 1973; Военное дело Руси XIII–XV вв. Л., 1976.

знания — клинковой эпитафии. Здесь мы лидируем среди других европейских стран. К настоящему времени в музеях России, Украины, Белоруссии, а также Чехии, Польши, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии обследовано свыше 400 мечей IX–XIV вв., и на всех по большей части впервые выявлены ранее неизвестные надписи и знаки — в большинстве ремесленные клейма. Впервые на клинковой оружии X — начала XI в. обнаружены русские надписи с именами ремесленников. Таковыми оказались «Людота (или „Лидоша“) Коваль» и «Слав...» (повреждено). Речь идет о мечедельцах, работавших скорее всего в Киеве во второй половине X — начале XI в. После Каролингской империи Русь стала второй страной в Европе, где выпускались мечи, клейменные на своем языке.

В 2000 и 2005 гг. совместно с А. И. Саксой и А. Томантера впервые изучены 36 целых карельских средневековых мечей и их деталей, находящихся в Национальном музее Финляндии.

Здесь уместно подчеркнуть, что обследование восточноевропейского и конкретно древнерусского вооружения имеет интернациональное значение. Некоторые из наших находок по их дате выступают более ранними, чем такие же в других странах Европы, например шпоры с колесиком.

Воинские вещи из курганов Украины, относящиеся к XII–XIII вв., позволяют обнаружить новые тенденции в развитии доспеха не только на Руси, но и в некоторых других европейских и азиатских странах, где отсутствуют находки этого периода или их мало.

Возросший общественный и научный интерес к военным древностям, к сожалению, не обходится без издержек. Наряду с серьезными работами нередко безапелляционные, дилетантские, некомпетентные выступления, плагиат, некритические атрибуции, например, коса выдается за скрамасакс, а подлинный меч — за позднюю реплику. В угоду модному нигилизму прямо или косвенно высказываются мнения о геополитически предопределенной военной несамостоятельности Руси и подчиненности развития ее

боевой техники одним внешним влиянием со стороны норманнов, венгров, хазар, степных кочевников, монголов. В истории России воздействия Востока и Запада на ее культуру имели важное значение, что, однако, не отменяло собственного творчества и выработки национальных форм оружия, происходивших в сложных условиях борьбы русских земель на два фронта, с западным и восточным противниками. Учтем при этом, что изучение военного дела древности может охватывать евразийское пространство, но результативно при условии преодоления прямых и завуалированных националистических оценок и русофобских и антиславянских рассуждений. Технический мир предстает как громадная, в то же время во многом единая лаборатория новаций и усовершенствований, внесенных отдельными центрами, нахождение которых в ряде случаев еще требует разысканий.

Угрозой нормальному состоянию военной археологии, да и шире — сбережению всего отечественного культурного наследия, стало повсеместное безнаказанное разграбление так называемыми черными археологами древних погребений и поселений с целью добычи археологических предметов, включая вооружение, и торговли ими.

Обнаруженные варварскими раскопками, часто с помощью металлоискателей, коллекции находок продаются и нередко уходят за рубеж. Среди этих «рыночных вещей» встречаются подлинные шедевры, например редкие для эпохи становления Русской державы золоченые шлемы. По оценкам специалистов, если не будет соответствующего антиквара-искательского законодательства, то лет через десять страна полностью лишится бесценного археологического наследия.

Вооружение — особая область материальной культуры, которой присущи свои, зачастую интернациональные особенности. К таковым относятся активный технический прогресс, постоянная выработка новинок, направленных к тому, чтобы увеличить наступательные и оборонительные способности воина; не знающая преград быстрота распространения и единство форм оружия

и снаряжения на огромных территориях; восприимчивость к наднациональным техническим заимствованиям; стремление к организации высококвалифицированного индивидуального и коллективного военного ремесла с целью производства наиболее передовых и в то же время долговечных образцов оружия. Далее выступают большая ценность боевых средств и желание заполучить их в виде покупки, подарка или трофея; особое отношение к предметам военной техники как наделенным высшей магической и религиозной силой и в связи с этим существование обычая потомственного наследования и бережного хранения шлемов, мечей, щитов и другого вооружения, приношение воинских вещей язычниками и пережиточно христианами в качестве заградного дара; наделение боевой экипировки частной или государственной эмблематикой, а лучше сказать — гербами; нередкая прямая или опосредованная связь имеющегося арсенала с властью и состоянием общества, позволявшая бедным слоям, особенно в экстремальных ситуациях, пользоваться современным оружием. Всегда показательными являются количество и качество вооружения воина и войска, ибо это придавало уверенность в бою и положительно влияло на морально-психологическое состояние армии.

Прогресс вооружения нередко определял тактику боя и перевороты в способах его ведения. Исследование вооружения важно для понимания его собственного развития, изменения и распространения его форм, тактического использования, установления типологии и хронологии, связи с состоянием и эволюцией армии. В равной мере должно рассматриваться и обратное воздействие военного дела и боевой техники на основные сферы общественной жизни — социальную, политическую и экономическую.

Изучение оружия и военного дела позволяет судить не только о воинском оснащении индивидуального бойца, об экипировке родов войск различных входящих в его состав социальных групп, но и о жизнедеятельности и безопасности народа, возможностях

кузнечного ремесла, развитии торговли, особенно дальней, восприимчивости к изобретениям ближних и далеких соседей.

Боевое использование оружия и войны обостряют конкурентоспособность противников, влияют на международные отношения, убыстряют совершенствование и введение новой техники, побуждают к внедрению новых материалов. Периоды эволюции сменялись скачкообразным развитием. Переломными периодами в истории древнерусского военного дела были IX–X вв., когда на смену пешему бою выдвинулась конница с ее тяжелым и легким снаряжением, XII–XIII вв. ознаменовались утяжелением экипировки воина и использованием профессионально подготовленных конных и пеших лучников и копейщиков, дополненных пехотой, XIV–XV вв. отмечены внедрением огнестрельного оружия и созданием общерусской межобластной армии.

История военного дела эпохи средневековья отмечена своими особенностями, нередко феноменального характера. Начиная с IX в. в состав государственной армии входили от 6 до 14 разноэтничных контингентов. В сущности, мы имеем дело со становлением федеративной армии. Позднее, в XIV в., эта воинская сила преобразовалась в общерусское между княжеское войско, что обеспечило победу на Куликовом поле в 1380 г. В этой битве сражались полки из 36 городов. Можно смело сказать, что в тот период военная необходимость опередила политические потребности Руси в ее объединении под единым руководством. Стоит также вспомнить необычную для своего времени доктрину князя Александра Невского, который, словами его Жития, призвал «жити... не преступая в чужие части». Здесь впервые в истории России высказано опередившее свою эпоху правило о божественной нерушимости государственных границ.

В целом изучение вооружения и военного дела средневековой Руси и ее соседей необычайно многозначно и плодотворно. Здесь открывается волнующая сфера борьбы, сражений, побед и поражений, предстают порой судьбоносные действия людей в отношении преданности своей стране, вождю

и товарищам, ярко проявляется способность выстоять и проявить храбрость и героизм.

Международный опыт убеждает, что в общественном смысле военная археология опрокинула прежние ее «спокойные» оценки. Эта дисциплина вышла за пределы кабинетов ученых и коллекционеров и проникает в досуг и образование рядового человека. В Европе, особенно после Второй мировой войны, появились особые общества, институты, музеи, множество специализированных, в том числе и периодических изданий. Изучением и рассмотрением старинного воинского снаряжения интересуется всё больше людей, вовсе не специалистов. Здесь только нельзя переступать порог дозволенности и путать государственную принадлежность памятников с частной коммерцией.

Перед нами крупное историческое явление, которому присущи бурные технические преобразования, острые военно-политические конфликты, борьба народов, катастрофы и победы, неувядаемое мастерство оружейников — все это способно захватить огромную аудиторию. Обо всем этом шла речь на Международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», которая по распоряжению президента Российской Федерации была успешно проведена 29–31 марта 2005 г. в Санкт-Петербурге и ознаменовалась выступлениями более 145 участников. Для того чтобы сделать результаты конференции действенными, был разработан ряд предложений. Они были обсуждены и приняты на заседании секции упомянутой конференции «Военное дело России и ее соседей в эпоху средневековья IX–XVII вв.», собравшей до 50 участников, из которых 20 выступали с докладами. Внесенные предложения имеют конкретный смысл и ответственность задачам и целям конференции.

Перейдем к их изложению.

1. Предлагалось с учетом позитивных результатов состоявшейся конференции регулярно раз в два-три года проводить ее при совместной организации со стороны Минобороны и Российской академии наук.

2. Предлагалось образовать с паритетным участием Минобороны и РАН постоянно действующий международный комитет по научному изучению военного дела России и ее соседей. Такой комитет осуществляет на международном уровне научные проекты, подготавливает концепцию новых конференций и симпозиумов по актуальным вопросам военной и военно-исторической науки, планирует тематику научных разработок, поддерживает контакты с представителями зарубежных стран.

3. К Правительству РФ обращалась просьба о финансовой поддержке на грантовой основе военно-исторических клубов и объединений по воссозданию старинного вооружения, тактики боя, реконструкции исторического фехтования, турниров и единоборств.

4. Пришло время, основываясь на исторической традиции, восстановить гвардейские части в системе Вооруженных сил России.

5. Высказывалась инициатива по созданию общенародного и общероссийского памятника «Гражданам вечной России от благодарной Родины».

6. Высказывалась рекомендация Правительству РФ о скорейшем принятии законодательных мер против разграбления так называемыми черными археологами историко-археологических памятников и торговли найденными ценностями, в том числе и оружейными раритетами.

Жаль, если высказанные предложения останутся на бумаге.